

дением теории стала рассматриваться ее применимость в другой, желательной удаленной области той же математики. Например, самым убедительным подтверждением геометрии Лобачевского стало применение ее в теории автоморфных функций Анри Пуанкаре в 1882 году. То есть математика обосновывает себя в том числе и собственной целостностью, и единством идей. Но при этом она свободно экспериментирует с языком и выстраивает различные модели. Все-таки главное — это внутренняя непротиворечивость, а насколько утверждения содержательны — это вопрос второй.

Иван идет именно по пути математического рассуждения, выстраивая свою модель идеального мира — того мира, который может существовать. То есть в нем есть внутренний смысл (содержание) и он согласован и непротиворечив. Это — модель, которую формулирует великий инквизитор.

Для того чтобы мир существовал и в нем мог существовать человек, необходимы те же этические постулаты, что и в научной картине мира: этическая форма бытия должна существовать и должна быть единственной. В Поэме о великом инквизиторе Иван исследует вариант «двойной морали». То есть «мирного» сосуществования двух аксиоматик внутри одного бытия. Эта форма необходима, потому что человечество не готово (да и не будет никогда готово) принять ту трансцендентную свободу, которая ей дана в христианстве. Поэтому модель «двойной морали» является наименьшим злом — при любом другом варианте человечество просто себя уничтожит. Людей необходимо защищать и от самих себя, и от свободы, и неизвестно, что для них страшнее.

Иван строит рабочую модель, следуя рациональной квазиматематической схеме, а вот обосновывает и доказывает ее именно средствами искусства — он сочиняет поэму. Для него математика и искусство выполняют роль экспериментального поля, на котором он исследует этические модели. Математика обладает внутренней непротиворечивостью и всеобщностью. Искусство обладает образной убедительностью. Владимир Успенский, анализируя аксиоматику натурального ряда и перечисляя возникающие трудности, приходит к любопытному выводу: «...термин „доказательство“ — один из самых главных в математике — не имеет точного определения. А приблизительное его определение таково: доказательство — это убедительное рассуждение, убеждающее нас настолько, что с его помощью мы способны убеждать других» («Семь размышлений на темы философии математики») ¹⁴. Замечу, что речь идет именно о математической логике, то есть о самой строгой части математики. Иван использует «убедительную демонстрацию» в тех же целях — он доказывает свое этическое построение.

И Спиноза, и Декарт, и Лейбниц, и Шеллинг предпринимали попытки сведения философского рассуждения к математической форме. Можно вспомнить попытки выработки универсального языка — алгебра Декарта — и попытки применения этого языка к философии: например, теоремы «Этики» Спинозы или «Философия искусства» Шеллинга. Они всегда выглядят не слишком убедительно. Сама по себе математизированная форма не дает еще права на утверждение от имени математики и опоры на нее. По существу все утверждения доказываются вполне философски. Это связано в первую очередь с тем, что объекты, которыми оперируют философы, — содержательны. Их описание не сведено к чистой форме, что в математике обязательно — поскольку математическое доказательство корректно и обоснованно только для формальных объектов. А если в доказательство включается содержательная интерпретация, это сразу приводит к парадоксу. Как, например, в высказывании «Я лгу». Если мы попытаемся приписать этому высказыванию значение «истина» или «ложь» и при этом не абстрагируемся от самого говорящего и кроме формальной ложности включим в рассмотрение содержатель-

¹⁴ Успенский В. А. Труды по нематематике. В 2-х томах, т. 1. М., ОГИ, 2002, стр. 95.